

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 87.3(2)

К. Т. Утельбаев

Атырауский институт нефти и газа

Республика Казахстан

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Глобализация способствует более широкому общению государств и социумов. Но в то же время глубина общения снижается из-за того, что религиозные основы нельзя усвоить внешним образом, т. к. они требуют индивидуального отношения. Терроризм, как и любую иную разновидность уголовной преступности, не следует идентифицировать по религиозному или национальному принципу. Сохраняя подобные подходы, мировое сообщество, не преодолевшее пока последствия раскола мира по признаку Восток – Запад, может оказаться ввергнутым в пучину раскола уже по конфессиональному признаку: христианство – ислам.

«Определяющими факторами активизации международных террористических организаций явилось то, что на рубеже второго и третьего тысячелетий человечество столкнулось с новыми вызовами и проблемами, обусловленными глобализацией, характерные черты которой – не только углубление межгосударственных и межобщественных отношений, стремительный рост глобальных торговых и финансовых потоков, транснациональных предприятий, усиление контактов между различными культурами, универсальность мировой науки, но и увеличение численности населения планеты, обострение межнациональных отношений, рост международной преступности, незаконного оборота наркотиков, нарастание социальной напряженности в отсталых странах» [1, с. 8].

Если достижениями и плодами глобализации будет по-прежнему пользоваться небольшая группа высокоразвитых государств, это неизбежно приведет к усилению противостояния, возникновению конфликтов и социальных катаклизмов.

К сожалению, до сих пор в практике борьбы против международного терроризма не просматривается готовность мирового сообщества искоренить объективные причины, порождающие терроризм.

По-прежнему США, взявшие на себя главную роль по искоренению терроризма, остаются приверженными силовым формам борьбы. Более того, Белый дом может не удержаться от соблазна распространить акцию устрашения, апробированную в Афганистане, на страны так называемой «оси зла».

Нет никаких гарантий, что США, под флагом искоренения международного терроризма, не воспользуются сложившейся ситуацией для реализации собственных геополитических целей в Центральной Азии: закрепления своего военного присутствия; контроля над реальными и потенциальными маршрутами доставки углеводородного сырья.

Такие действия США не смогут не вызвать адекватных действий России и Китая.

В этих условиях борьба с международным терроризмом может отойти на второй план. Более того, международный терроризм, как это уже не раз бывало в прошлом, может вновь стать разменной монетой в геополитических играх великих держав.

«В XX столетии терроризм впервые в человеческой истории превратился в одно из мощных орудий в отстаивании и продвижении геополитических, внутривнутриполитических, националистических и идеологических интересов. Злой гений человеческого разума нашел в терроризме еще одно доказательство своей изощренности и губительной изобретательности. На смену крупным войнам и национально-освободительным движениям пришли молниеносные и высокоорганизованные диверсии и акции, которые иногда вызывали не меньший резонанс среди мировой общественности. Более того, для некоторой части активных общественно-политических движений терроризм превратился в основную форму деятельности, а для их членов – в смысл жизни и мировоззренческую основу» [2, с. 15].

Анализ проблем терроризма возможен только на основе соответствующей ему методологии исследования. Методология, претендующая на адекватное исследование терроризма, должна быть научно обоснованной и не подпадать под влияние ангажированных идеологий. Но как раз объективный анализ феномена терроризма чрезвычайно затруднен. Причиной тому – все возрастающая роль терроризма в реальной политике государств, как больших и влиятельных, так и относящихся к разряду развивающихся.

«Феномен терроризма воплотил в себе в сконцентрированном виде практически все сколько-нибудь заметные противоречия современности. Эта его "синтетичность" позволяет увидеть в нем и религиозную составляющую, и политическую, и экономическую, и этническую, и культурную. Поэтому так трудно за внешним проявлением теракта увидеть его истинную причину. У каждого террористического акта их много. Можно утверждать, что сам он становится возможным только при условии наложения целого ряда вызывающих его причин и обстоятельств, при которых он совершается. Поэтому "следы" теракта ведут куда угодно, было бы желание в той или иной его интерпретации» [3, с. 28].

Именно эта «непроявленность» теракта в современном мире (и это одно из существенных отличий современного терроризма от терроризма XIX в., когда теракт имел четкую адресность и авторство) позволяет обвинять в его подготовке и осуществлении (и тем более в его «заказе») самые разные, иногда диаметрально противоположные силы, структуры и страны. Вопрос «кому выгодно» не позволяет определить авторство теракта, т. к. при глубоком анализе обнаруживается, что «выгодно» может быть очень многим. Исходя из такой многоадресной «выгоды», ряд аналитиков высказывали предположения, что взрывы жилых домов в Москве совершили секретные службы России, а затем и в терактах 11 сентября 2001 г. в США обвиняли спецслужбы США. И все на основании того, что смысл этих терактов, а еще более – их последствия можно интерпретировать по-разному. Таким образом, очевидно, что существует значительная неопределенность вокруг феномена современного терроризма.

Вследствие этого, на наш взгляд, к такой многомерной теме, как современный терроризм, следует подходить предельно объективно. Сам теракт можно рассматривать как «взрыв» накопившихся противоречий, как неадекватную форму решения проблем (при этом становится неважным, в чьих интересах теракт совершен). Такой подход к теракту позволяет понять его как объективность. В настоящее время уже нельзя «списать» теракт на патологическую психику террориста, его зомбированность и т. д. Да, террор имеет свою психологию, и, соответственно, в анализе терроризма обращение к рассмотрению психики террориста имеет смысл, но это подчиненный момент анализа.

Позволим себе сделать предположение, что субъектом террористического акта (а тем более – терроризма как феномена в целом) является вовсе не террорист, а социальная сила, социальный процесс, не имеющие легитимных способов влиять на события, в которые они вовлечены. Личностная специфика террориста в акте террора сведена до минимума, и это тем более верно, чем педантичнее запланирован теракт. Возраст, пол и многие другие характеристики личности террориста отступают на второй план, в известном смысле террорист – фигура анонимная и формализованная, он – исполнитель, на его месте может быть другой. Не исполнитель теракта – субъект террора, повторим еще раз, субъектом терроризма является реальное социально-политическое, экономическо-финансовое или международное противоречие. В том случае, когда это противоречие не решается легитимно, оно рано или поздно прорывается в террор.

Но не следует ли отсюда, что терроризм – неизбежная форма решения ряда противоречий современности? Приходится признать, что в настоящее время дело обстоит именно так. Поэтому самая эффективная форма борьбы с терроризмом – своевременный компромисс между противоборствующими сторонами, между крайними позициями, решение проблем средствами диалога всех заинтересованных сил и слоев. Нельзя «загонять в угол» один сегмент мирового сообщества в угоду другому – это неизбежно окончится деструктивным актом.

Но как призвать к конструктивному диалогу силы, всей предшествующей мировой политикой оттесненные от «круглого стола» истории? Форм такого диалога мировое сообщество пока не выработало. Однако только на этом пути возможно устранить терроризм как явление современности. Поэтому сколь бы важны не были в настоящее время действия антитеррористической коалиции (силовые, дипломатические, финансовые, разведывательные и т. д.), следует признать, что они направлены на устранение следствий, а не причин, и поэтому эффективность этих действий временна. Сила – очень веский фактор современной мировой политики. Пожалуй,

в настоящее время это самый действенный аргумент в спорах и противостоянии. Но как раз ориентация на силовое разрешение сложнейших проблем современности и порождает терроризм. Поэтому следует не столько прибегать к силовой борьбе с терроризмом (хотя терроризм уважает силу и считается с ней), сколько искать формы многостороннего сотрудничества для устранения проблем, порождающих терроризм. После этих предварительных методологических замечаний обратимся к непосредственному анализу феномена современного терроризма.

Терроризм как явление исследовать непросто. В первую очередь это связано со значительной неопределенностью терроризма. Есть только один аспект в терроризме, очевидно негативный для всех, – это насилие. Даже идеологи террора и исполнители терактов согласны с тем, что террор – это насилие (но, по их мнению, насилие неизбежное и оправданное). Насилие может быть однократным, в связи с особыми обстоятельствами, или более регулярным, как в тоталитарных и диктаторских режимах. В некотором смысле всякая государственная форма устройства общества есть насилие, т. е. насилие не представляет собой ни новой формы общественных отношений, ни специфически «нового мирового порядка», ни особого способа решения проблем современности. Насилие, наряду с иными методами, присутствует почти всегда. В этом смысле террор, опирающийся на насилие, ничего принципиально нового не приносит. Новое, специфическое, отличительное от всего остального в терроре, в связи с насилием, состоит в том, что террор делает насилие единственным способом достижения цели.

Обращение к феномену насилия в составе террористической деятельности приводит к пониманию насилия как сущности террора. Насилие, онтологически, есть подавление свободного волеизъявления. Неважно, кто подавляется в этом акте: отдельно взятый человек, группа людей или все общество в целом; концептуально насилие всегда является злом, т. к. нивелирует, усредняет, уменьшает возможности разнообразного проявления сущности человека, его творческий потенциал, снижает качество человеческой жизни.

Мировые религии крайне отрицательно относятся к насилию, рассматривая его как форму посягательства земного, мирского на духовную сущность человека. Только одна форма насилия признается религией – это насилие человека над своей греховной природой, усилия человека в богоуподоблении. Очень заметен этот пласт в христианстве, значителен он в исламе (как внутренний, «великий» джихад). Только такое насилие и принимается религиями. Всякое иное, особенно имеющее исток в общественных разногласиях, противоречиях и спорах, отвергается. Уже отсюда видно, что ислам не может быть источником терроризма. Но вернемся к теме насилия в терроре. Одно из самых лаконичных и ясных определений терроризма: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями» ставит насилие во главу угла в терроризме. Идеологи террора еще в XIX в. (Л. О. Бланки, Мост, Гейнцен, М. А. Бакунин) считали насилие неизбежной формой «продвижения» человечества к более справедливому социальному миру устройству. Практика большевизма в этом смысле принесла немного нового. Почему же насилие представляется чем-то очень важным в деле установления «царства справедливости» на земле? Думается, что у этой идеи глубокие корни, мировоззренческие по существу. Длительное время, вплоть до эпохи Возрождения, господствовало понимание истории как божественного провидения – все происходит в соответствии с волей Бога. Однако новая и новейшая история исходят уже из иной мировоззренческой посылки: человек способен сам строить, развивать, изменять общество, человек сам хозяин своему бытию, человек сам творит историю. Этот бунт против Бога, это выведение Бога за скобки истории явились, по существу, протестом против божеских установлений, являлись продекларированным и практически осуществленным правом человека (и, естественно, общества как совокупности людей) на построение справедливого общества на глубоко своих, человеческих основаниях. Протест, несогласие, резкие судьбоносные решения, право распоряжаться и своей, и чужой судьбой, «управление» ходом истории – все это стало возможным только после присвоения человеком себе статуса субъекта, творящего историю. Можно видеть, как много общего – в мировоззренческом смысле – у такого понимания сути исторического процесса, и у терроризма, с его правом произвольного вмешательства в «легитимный» ход событий и изменения обстоятельств по собственному усмотрению.

Современный терроризм концентрирует в себе многообразие неразрешенных проблем современного мира и в этом смысле «естественно» произрастает из этого мира. Неравномерность развития разных стран, ставящая слаборазвитые страны в условия «догоняющего развития», с тенденцией ко все большему разрыву в уровне благосостояния развитых и развивающихся стран, бедность, безработица, коррупция, недоступность образования, стремление элит слабо-

развитых стран любой ценой удержать власть, игра на низменных коллективных чувствах и представлениях, процветающих в условиях нищеты, попытки экономически отсталых стран одним скачком, рывком, одним актом «выскочить в люди» – все это фон, на котором произрастает терроризм. Терроризм процветает в закрытых обществах, среди лишений, несправедливости и репрессий. Не следует, впрочем, абсолютизировать значение социально-экономического фактора в генезисе терроризма и, следовательно, находить некое оправдание терроризму. Зачастую террористы ссылаются на экономические беды, политический гнет и социальное неравенство как на обстоятельства, оправдывающие их кровавые акции. Разумеется, эти обстоятельства всем хорошо известны. Тем не менее они могут служить оправданием актов физического и психологического насилия над мирными людьми. Диспропорции в развитии различных стран, делающие возможным абсолютное доминирование развитых стран над развивающимися во всех сферах, этнические, религиозные, социально-политические, культурные, цивилизационные и иные противоречия и «разломы» – все это только внешние формы, которые весьма условно могут быть соотнесены с причинами и сущностью терроризма. Не в них причина терроризма; каких-либо выпадающих из «естественного» хода истории причин у терроризма вообще нет: он «вырастает» из современной истории как ее форма, как продолжение ее агрессивного характера – права сильного быть правым. Обращение к вышеперечисленным внешним причинам терроризма вместе с тем не лишено смысла. Терроризм, будучи по существу концентрированным выражением агрессивности современной международной политики, всегда выступает в каких-то конкретных формах, и в этих формах можно увидеть доминирование то одних перечисленных причин, то других. Принимая во внимание эти причины и пытаясь устранить если не их, то хотя бы их негативные последствия, можно надеяться выработать политику мирового сообщества, нацеленную на снижение уровня и размаха терроризма. Поэтому обратимся к рассмотрению некоторых проявлений причин терроризма и наметим пути снижения их остроты.

Современный терроризм в его наиболее массовых формах напрямую связывают с «исламским фактором». Ранее уже подчеркивалось, что религии спасения, к которым относится и ислам, являются религиями ненасилия. Поэтому ислам не может быть причиной терроризма. Однако современная политика груба, хотя и изощрена. По правилам этой политики противника надо обозначить, хотя бы и расплывчато, но узнаваемо – это исламский экстремизм, фундаментализм, ваххабизм, исламизм и т. д. Политики не любят многофакторных ситуаций, т. к. с ними нелегко разобратся. Поэтому сложные процессы современного мира низводятся до уровня примитивных обоснований и, соответственно, столь же примитивных способов решений проблем.

Когда же накопившиеся и долго не решавшиеся противоречия «вдруг» дают о себе знать взрывом политического протеста или военным конфликтом, последние оцениваются как неожиданные, спонтанные и т. д. Это в полной мере относится к терроризму: его размах и жестокость производят шокирующее воздействие, но они отнюдь не неожиданны, не случайны. Терроризм есть вполне закономерное явление современной мировой политики, он вызывается к жизни этой политикой. Однако такое понимание терроризма требует коренного пересмотра основ политической аналитики в этой сфере. Пока же большинство экспертов и аналитиков склонны подходить к исследованию терроризма с позиции «совокупности причин», к которым, в частности, относят и «исламский фактор», тогда как «исламский фактор» возникает в качестве одного из оснований терроризма только в пределах неглубокой, фрагментарной аналитики. Но этот фактор активно муссируется, поэтому и мы уделим ему внимание, хотя бы для того, чтобы критически отнестись к нему.

Ислам косвенно признается одним из факторов терроризма на основании того, что динамично развивающиеся страны арабского Востока, страны, которые требуют своего участия в мировой политике и которым пока что не удается играть желаемую ими роль, страны, явно и скрыто причисляемые к спонсорам терроризма, являются, в большинстве своем, мусульманскими. Ислам – их идеология, и коль скоро они – спонсоры терроризма, то повинна в этом их идеология, т. е. ислам. Такова нехитрая логика, приводящая к обвинению ислама в пособничестве терроризму.

Ситуация осложняется и недифференцированностью терроризма и национально-освободительных движений. В результате ислам если и не обвиняется, то подозревается в поддержке террористических умонастроений.

Следует однозначно и со всей определенностью заявить: ислам как религия к террору отношения не имеет. Это ясно всякому, кто хотя бы мало-мальски знаком с исламом. Но есть нечто, не в самом исламе, допускающее возможность использования ислама в качестве одного из аспектов идеологии терроризма. Экспансия ислама военными средствами на всю территорию

Аравийского полуострова и далее, развернутая в первый век существования ислама, – вот причина и эпоха, когда мирная сущность этой мировой религии была искажена. А так как именно к этому периоду в истории ислама и апеллирует агрессивное крыло исламского фундаментализма, то для желающих усмотреть в исламе основание современного терроризма открывается простор. Эту проблему необходимо глубоко и объективно исследовать, а не спекулировать на ее неопределенности. Ислам, как и христианство, можно использовать в политически провокационных целях, но такое использование – на совести провокаторов.

Известный исследователь проблем взаимодействия Запада и Востока С. Хантингтон, один из первых обративший внимание на нарастающее противостояние христианской и мусульманской цивилизаций, анализируя роль ислама в современном терроризме, пишет: «Во-первых, одним из наиболее важных социальных, культурных и политических достижений последних десятилетий является возрождение исламского сознания исламских движений и самоидентификации среди мусульманских народов практически по всему миру. Это исламское возрождение в основном является ответом на модернизацию и глобализацию, и в большинстве случаев этот ответ весьма конструктивен. Во-вторых, во всем мусульманском мире, особенно среди арабов, существуют ярко выраженные чувства обиды, негодования, зависти и враждебности по отношению к Западу, его богатствам, власти и культуре. Это – отчасти результат политики западного империализма и его господства в мусульманском мире на протяжении большей части XX столетия... Это, в более широком смысле, реакция мусульманских народов на коррупцию внутри их государств, неэффективную работу правительств, их репрессивные действия и на западные правительства, которые, как им кажется, поддерживают эти режимы.

В-третьих, насилие между мусульманами в мусульманском мире провоцируют племенные, религиозные, этнические, политические культурные различия.

В-четвертых, исламское возрождение совпало и было ускорено высоким уровнем рождаемости в большинстве мусульманских общин» [4, с. 21].

Ответом на вызовы западной цивилизации объясняют нарастание исламского фундаментализма очень многие культурологи, политики и религиозные деятели. Так, председатель Исламского центра Киргизии С. Камулиддин осуждает теракты в США, приведшие к гибели невинных людей, однако, по его мнению, действия террористов были спровоцированы антиисламской политикой США. «Произошла катастрофа мирового масштаба. Погибли не просто невинные люди. Мир лишился мозгов, которые стоят миллиарды долларов. Ведь в зданиях, по которым нанесли удары террористы, находилась элита американского общества. Сегодня Вашингтон винит в трагедии мусульман. Но если ты не здороваешься с человеком, не стоит думать, что он ответит тебе приветствием. США замучили мусульманский мир. Эта страна несет беды мусульманам в разных точках земного шара: в Ираке, Палестине, Афганистане», – заявил муфтий Джалалабадской области (Южная Киргизия) Дильмурат ажы Орозов [5, с. 13].

Сходную точку зрения высказывает и российский исследователь Е. Ихлов: «Возникновение исламского тоталитарного радикализма (некоей формы анархобольшевизма – это реакция на вестернизацию мусульманского мира. Каждый глобальный социокультурный регион, каждая нация по-своему реагируют на цивилизационные кризисы, на вызов модернизации. Россия ответила сперва появлением протофашистского черносотенного движения, а затем – срывом в большевизм. Западная Европа – безумием национализма 1914 г., Германия – нацизмом, Италия и Испания – фашизмом, Китай – маоизмом, Латинская Америка – бурлящей революционностью 60–70-х гг. Когда той же критической стадии модернизации достиг Иран – началась революция Хомейни. Исламский радикализм – это, прежде всего, идеология среднего класса торговцев и молодых интеллектуалов. Это невротическая реакция не на бедность, а на растерянность, духовную "расколотость", неуверенность перед лицом западной либеральной идеи» [6, с. 49].

Глобализация, как господствующая тенденция в мировой экономике, есть по сути западный вариант модернизации, который не в состоянии в одинаковой степени интегрировать все страны мира, принося с собой всем плоды процветания от цивилизации. Более того, некоторые страны сознательно отходят от перспектив западного варианта развития, нежелательных культурных перемен, стремясь сохранить свою специфику.

Глобализация, таким образом, создает значительный социальный слой отчуждения, который ищет адекватные для себя формы самовыражения и артикуляции проблем. Это приводит к крайним насильственным методам, опуская их на путь террора и смыкания с международной организованной преступностью.

Следует, по всей видимости, признать, что у отдельных стран и регионов мира могут быть свои интересы, свое понимание цели развития, свои средства решения проблем. Причем в иных странах и регионах эти цели и средства могут заметно отличаться. Западу не следует стремиться во что бы то ни стало тиражировать свой цивилизационный опыт, свой стиль жизни, свои достижения. Надо признать, что мир многообразен. Надо ввести принципы демократии на уровне межгосударственных отношений, взаимодействий региональных союзов и объединений, в мировую политику вообще. Тогда мусульманским странам не придется извиняться за наличие собственных интересов. Эти страны не за терроризм, они – за право выбора собственного пути развития, отличающегося от западного образа жизни. Важнейшей чертой глобализации являются ее тесные взаимоотношения с религией и взаимозависимость. Это реальность, которая требует поиска новых объяснений религиозных концепций, соответствующих социально-экономическим, культурным и политическим реалиям современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акрами С. А.* Глобализация и межкультурный диалог. – Алматы: Гылым, 2002. – 87 с.
2. *Халиджи М.* Глобализация и религия. – Алматы: Жогары мектеп, 2002. – 96 с.
3. *Аюпов Н. Г.* Глобализация и многообразие религиозных идей. – Алматы: Гылым, 2002. – 107 с.
4. *Huntington S. P.* The clash of civilizations and the remaking of world order. – N. Y., 1996. – 125 p.
5. *Орозов Д.* // Мысль. – 2007. – С. 13.
6. *Малахов В. С.* Скромное обаяние расизма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М., 2002. – 147 с.

Статья поступила в редакцию 17.12.2006

GLOBALIZATION, TERRORISM AND RELIGIOUS EXTREMISM

K. T. Utelbaev

Disproportions in the development of the various countries, allowing the advanced countries to dominate over the developing ones, contradictions and breaks are just the external forms which can be conditionally correlated to the reasons and the essence of terrorism. It grows from a modern history as its form, as continuation of its aggressive character. Terrorism is the concentrated expression of aggression of the modern world policy; it always acts in concrete forms. Many analysts are inclined to study terrorism with respect to "the set of causes", including "Islamite factor". However, Islam as religion isn't related to terrorism. Close relations of globalization with religion and their interrelation demand new interpretations of religion concepts in accordance with social, economic, cultural and political situation in the modern world. It is evident that the given understanding of terrorism and its causes demands the radical reconsideration of the basis of the political analytics in this sphere.